

ВВЕДЕНИЕ В ИЗДАТЕЛЬСКУЮ СЕРИЮ «НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН»

А.Л. Журавлев, Д.В. Ушаков

Книга, которую вы держите в руках, открывает серию, посвященную научным школам, которые сформировались в Институте психологии АН СССР. Эти школы охватывают не только общепсихологические методологические сферы — системный и субъектно-деятельностный подходы к исследованию психики, — но и самые различные отрасли психологии — творчество и мышление, способности и интеллект, социальную психологию и психологию управления, математическую психологию и психофизику, психологию труда и инженерную психологию, психологию речи и психолингвистику, психологию личности и психофизиологию индивидуальности, нейрофизиологические основы психики, историю психологии. При всем их разнообразии, богатстве идей, методов, эмпирических данных и теоретических обобщений эти научные школы обладают внутренним единством, связанным с тем, что они сформировались на определенном этапе развития отечественной психологической науки в целом и Института психологии АН СССР в частности, сформировались в ответ на проблемы, поставленные как внутренней логикой развития науки, так и внешними общественно-историческими условиями ее функционирования.

Появление в декабре 1971 г. психологического учреждения в составе Академии наук было важным событием в плане институционализации психологической науки в СССР. От первой психологической лаборатории через создание первого

в России института, кафедр и факультетов психологии в университетах к собственной структуре в Академии наук — таков путь, пройденный психологической наукой в нашей стране к началу 70-х годов XX века.

Чтобы понять все значение и сложность этого пути, необходимо хотя бы кратко вспомнить историю. Первая в дореволюционной России экспериментально-психологическая лаборатория была создана В.М. Бехтеревым в Казани в 1885 году. Следующая важная веха — Психологический институт им. Л.Г. Щукиной при Московском императорском университете, созданный Г.И. Челпановым при финансовой поддержке российского мецената С.И. Щукина в 1914 году.

Борьба психологов в университетах за выделение кафедр психологии в рамках философских факультетов в самостоятельные подразделения ознаменовала организационное развитие научной психологии в начале XX века в разных странах мира — Германии, США, Франции и т. д. Аналогичный процесс, приостановленный Октябрьской революцией в России, продолжился в советский период ее истории. В Московском университете кафедра психологии была основана в 1942 году С.Л. Рубинштейном. В 1943 году в Московском университете была организована подготовка психологов сразу на двух отделениях: отделении психологии на философском факультете и отделении русского языка, логики и психологии на историко-филологическом факультете. Обе эти структуры возглавил С.Л. Рубинштейн (Ждан, 1979; 1989; 1993). Параллельно под руководством Б.Г. Ананьева было открыто отделение психологии на философском факультете Ленинградского университета.

После Великой Отечественной войны рост статуса психологической науки продолжился. Отделения психологии в Московском и Ленинградском университетах были преобразованы в факультеты (1966 г.), первыми деканами которых стали соответственно А.Н. Леонтьев и Б.Г. Ананьев.

Психологам, однако, оставалось взять еще один организационный бастион — попасть в цитадель советской науки, которой была Академия наук СССР. Академия наук в советский период мыслилась как ключевая организация в проведении фундаментальных исследований. Она была призвана решать стратегические государственные задачи в том виде, как они понимались в разные периоды истории советского государства: отстаивание марксистско-ленинской идеологии, создание и развитие энергетического и промышленного потенциалов страны, поддержание ее обороноспособности, способствование техническому прогрессу, гармоничное развитие человека и т. д. Университеты и другие вузы при этом тоже выполняли важные научные разработки, но все же рассматривались в первую очередь как структуры профессиональной подготовки кадров.

Первым, кто попытался решить задачу включения психологии в академический круг, был С.Л. Рубинштейн. Авторитетный не только среди психологов,

но и философов, обществоведов, получивший фундаментальное философское образование в Марбурге (Германия), С.Л. Рубинштейн удостоился необычайно значимой в то время Сталинской премии за опубликованную в 1940 году книгу «Основы общей психологии». После переезда из Ленинграда в Москву осенью 1942 года С.Л. Рубинштейн организовал кафедру психологии в Московском университете. Он стал также директором Института психологии, который был возвращен в ведение МГУ. Вскоре (в 1943 г.) последовало его избрание членом-корреспондентом АН СССР. В 1945 году С.Л. Рубинштейн оставил пост директора Института психологии и возглавил ранее (в 1943 г.) созданный им сектор философских проблем психологии в Институте философии АН СССР с тем, чтобы в дальнейшем сектор преобразовать в отдельный академический институт. Этот сектор в конечном счете действительно вошел в организованный профессором Б.Ф. Ломовым Институт психологии АН СССР, однако произошло это через 26 лет и уже после смерти Сергея Леонидовича... А в 1947 году началась кампания по борьбе с космополитизмом, С.Л. Рубинштейн был снят со всех административных постов, и идею создания академического института на время пришлось оставить.

Эта идея была возрождена и воплощена в жизнь уже усилиями не классиков советской психологии, а следующего поколения, в основном психологов, родившихся в 1920—1930-х годах. Их деятельность, безусловно, была подготовлена работой предыдущего поколения классиков, заложившего основы советской психологии в трудные послереволюционные годы и решавшего задачи, стоявшие в то историческое время.

Каждое время порождает свои особенности развития психологической науки, характерные цели, задачи и проблемы. Эти особенности связаны как с внутренней логикой развития психологии, так и с внешними обстоятельствами: общей атмосферой в обществе, развитием других наук, запросами практики и т. д. Вклад каждого поколения ученых в науку не может оцениваться по меркам другого времени, он должен соизмеряться с задачами, поставленными перед поколением научной ситуацией в целом. Успешное решение этих задач изменяет ситуацию и позволяет следующему поколению стартовать с новых, более продвинутых позиций.

Поколение наших классиков решало прежде всего задачу построения таких основ психологической науки, которые позволили добиться дальнейшего позитивного развития психологических исследований. Надо отдать должное тому поколению психологов, поскольку оно не допустило «лысенковщины» в нашей науке, грубого идеологического диктата в отношении конкретных научных разработок и т. п.

Конечно, прямое идеологическое воздействие в целом ведет к отрицательным последствиям для науки, в том числе психологической. На некоторых же научных направлениях оно заставляло особенно тщательно и четко отрабатывать

аргументацию и глубже анализировать проблемы. В частности, проблема социальной и культурной обусловленности психики была, в том числе под влиянием марксизма, очень основательно разработана советскими психологами (Ананьев, 1969; Выготский, 1999; Леонтьев, 1979; Рубинштейн, 1989), что вывело отечественную психологию в мировые лидеры в этой научной сфере.

Поколению классиков удалось значительно развить культуру психологического исследования в необычайно трудных и даже опасных условиях и передать эстафету следующему поколению, условия работы которого были существенно иными. Поколение психологов-основателей научных школ в Институте психологии АН СССР, которое стало проводить самостоятельную линию в исследованиях, в основном, в начале 1960-х годов, поколение, которое по предложению В.А. Кольцовой можно назвать «неоклассиками», столкнулось уже совсем с другой ситуацией в отечественной науке и оказалось перед исторически другими задачами. Были ли эти задачи проще, чем у классиков-предшественников? В каком-то смысле — да, поскольку после 1953 года научная дискуссия уже не заканчивалась для ученого репрессиями. Но в других отношениях — нет, так как встали принципиально новые проблемы: необходимость воспользоваться открывшимися возможностями для творческого создания той новой науки, которую требовало время. Историкам психологии еще предстоит осмыслить роль этого поколения, как в отечественной психологии, так и в мировой. Однако уже сейчас можно констатировать его огромный вклад в развитие психологической науки.

В ранний советский период научная работа в психологии, как и многих других науках, фактически оценивалась по двум основным критериям. Первый состоял в ее мировоззренческом значении, которое понималось в соответствии с велением времени как способность подтверждать марксистско-ленинские положения или конкретизировать их в соответствующей научной области. Вторым заключался в практической значимости, способности научной работы принести какую-то пользу советскому народу и государству, причем желательно — в краткие сроки.

В послесталинский период открылось поле для неангажированного теоретизирования. Становился все более существенным «зазор», в пространстве которого теоретические разработки могли опираться не только на положения классиков марксизма, но и на идеологически нейтральные теоретические построения. Стала допускаться самостоятельная ценность научной теории, не сводимая ни к быстро полученному практическому результату, ни к идеологическому пафосу. Некоторые научные разработки стали рассматриваться именно как идеологически нейтральные, т. е. не вытекающие непосредственно из учения К. Маркса, но и не антимарксистские.

Интенсивно развивалось понимание сложности, многоступенчатости здания науки и ключевой роли в нем теорий среднего уровня, которые связаны как с выс-

шим, мировоззренческим, так и с низовым, практико-эмпирическим, уровнем через специальные дополнительные разработки, теоретико-методологические в первом случае и прикладные — во втором. Пожалуй, именно создание теорий среднего уровня было главным полем деятельности поколения неоклассиков. Слово «средний» в определении этого уровня не должно вводить в заблуждение: это наиболее высокий уровень, на котором теория еще является «фальсифицируемой» (Поппер, 1983), далее на мировоззренческом уровне вступают в действие иные факторы принятия или выбраковки теории. Теории среднего уровня строятся на базе обширной фактологии, это не один-два эксперимента, а целая область, разработанная сообществом исследователей за многие годы, а скорее — десятилетия. Развитие теорий среднего уровня означает понимание того факта, что серьезные прикладные результаты возможны лишь на основе большой теоретической работы. Выход в практику по результатам одного и даже нескольких исследований оказывается достаточно скромным, поэтому нужны многие циклы работ, чтобы их практические результаты оказались существенными на серьезном, стратегическом уровне.

Далее, настоящие теории среднего уровня могут быть только идеологически неангажированными. Принципом их принятия или отвержения является лишь способность к объяснению и предсказанию фактов и закономерностей. Их авторы, произнеся порой с явной помощью редакторов ритуальные фразы о тех или иных положениях марксизма, переходят к аргументации, которая является идеологически нейтральной и апеллирует к реальным фактам.

Поколение неоклассиков в отечественной психологии утверждает уважение к фактам как основе научных построений. Современная логика науки много говорит о том, что понятие факта не имеет в науке абсолютного значения: факт зависит от наблюдателя, от средств анализа действительности и т. д. Это все, безусловно, справедливо. Однако внутри одной существующей научной традиции полное уважение к фактам, полученным на основании честно исполненных и считающихся адекватными процедур, является необходимым условием нормального функционирования эмпирической науки, имеющей теоретические и эмпирические основания. В работах неоклассиков на новый уровень поднимается эксперимент и многие другие методы сбора первичных данных, развиваются разнообразные их формы и связи с теоретическими построениями.

Утвердившись в сфере теории среднего уровня, некоторые неоклассики стали совершать выходы на высший, мировоззренческий уровень, который по-прежнему оставался в ведении лишь избранных психологов. Важны в этом плане работы Я.А. Пономарева, который вынес на методологический уровень психологии идеологически нейтральные понятия, такие как структурно-уровневая организация, развитие систем за счет образования побочного продукта, принцип этапы—

уровни—ступени и другие (Пономарев, 1976, 1983). Впрочем, идеологически нейтральным построением был и системный подход, обоснованный в «западной» науке, но развитый в советской психологии как эффективный инструмент, вполне совместимый с марксизмом (Ломов, 1984). Таким образом, важнейшим результатом деятельности поколения неоклассиков является существенное преобразование ими методологического уровня психологической науки.

Еще один аспект решения сверхзадачи, стоявшей перед неоклассиками, заключался в повышении общественной роли психологии через развитие стратегически важных областей психологической практики. Вторая мировая война стала периодом принципиально нового осмысления общественной роли психологии не только в нашей стране, но и во всем мире. Так, на развитие психологических исследований в США большое влияние оказал Д. Гилфорд, который в качестве руководителя психологов в Вооруженных силах развил активную деятельность в сфере профессионального подбора и подготовки кадров. Затем на посту президента Американской психологической ассоциации он серьезно повлиял на развитие исследований способностей и творчества. Следует отметить, что именно Д. Гилфорд — человек, реально отвечавший именно за практическую работу психологов в США, — стимулировал научные исследования той самой проблемы творчества, в разработку которой так много душевных сил и таланта вложил Я.А. Пономарев. Для советской психологии приобщение к решению стратегических государственных вопросов в послевоенный период во многом было связано с космическими программами, приоритетными для государства и в то же время нуждавшимися в учете человеческого, в частности, психологического фактора.

В целом можно констатировать, что поколение неоклассиков отечественной психологической науки получило шанс реализовать новую вставшую задачу, преломившуюся в конкретных вариантах в множестве различных областей психологии. Опираясь на систему понятий и идеи предшественников, совершенствуя их, а иногда и противореча, это поколение закладывало основы новой отечественной психологии. Именно этому поколению удалось выполнить важнейшую задачу, с которой по объективным историческим причинам не смогли справиться предшественники, — ввести психологию в систему академических наук.

В 1950—1960-е годы ситуация менялась не только в психологии, но и в советской науке в целом. Можно констатировать, что положение психологии отражало более масштабные процессы, происходившие в отечественной науке. В период научной и организаторской деятельности академика А.Н. Несмеянова на посту президента АН СССР (1951—1961 гг.) сначала появилось, а затем и получило полноправное место в государственных документах понятие «фундаментальная наука». В ранний советский период говорилось о «чистой науке», причем в отрицательном смысле, как об отвлеченном теоретизировании, не служащем

народу и государству. Понятие фундаментальной науки относится к тому же явлению, но показанному в ином свете: перед постройкой здания нужно возвести фундамент, иначе неизбежно обрушение. Большую роль в утверждении в общественном сознании понимания значимости фундаментальной науки сыграли физики-ядерщики, которые, обретя немалый моральный капитал на советском атомном проекте, вернулись к теоретической работе и утверждали свое право заниматься исследованиями, практическое использование результатов которых не ожидалось немедленно.

В своих записках в ЦК КПСС академик А.Н. Несмеянов аргументировал, что запросы практики сами порождаются развитием науки: «Если в природе не существовало... цветной фотографии, то и требований со стороны промышленности на эту область науки не проявлялось, и она у нас не развивалась» (цит. по: Иванов, 2001, с. 104). В общественном сознании укрепилось понимание того, что решение стратегических задач наукой возможно только в том случае, если практические отрасли формируются на основательном теоретическом фундаменте. Это осознание было организационно закреплено в академической реформе 1961 года, проведенной академиком М.В. Келдышем, сменившим А.Н. Несмеянова на посту президента АН СССР.

Создание психологического института в структуре Академии не могло произойти без признания важности фундаментальных результатов нашей науки, самостоятельности ее предмета, специфичности и адекватности методов исследования и т. д. со стороны академического сообщества, состоящего из наиболее видных представителей других областей науки и техники. Такая широкая и эффективная поддержка при образовании Института психологии АН СССР действительно была: физиолог П.К. Анохин, философ В.П. Кузьмин, космонавт Г.К. Береговой, кибернетик А.И. Берг и многие другие оказали существенную помощь основателю Института профессору Б.Ф. Ломову.

Однако эта поддержка была основана на той большой научной и организационной работе, которую провели психологи к началу 1970-х годов в направлении развития междисциплинарных связей и решения комплексных практических задач стратегического характера. Психология должна была доказать, во-первых, свою научную респектабельность, во-вторых, стратегическое значение для развития науки и общества в целом. Эта респектабельность и такое значение были достигнуты во многом благодаря деятельности поколения неоклассиков, придавших новое лицо теоретическому облику психологии и открывшему многие новые области ее практического стратегического применения.

Конечно, научная деятельность этого поколения психологов не сводится только к работе академического института. Также и Институт психологии РАН имеет сегодня большую историю, в которой оставили свой след представители

многих поколений. В то же время поколение неоклассиков занимает в истории Института особое место, поскольку именно на его долю выпало основание научных школ и формирование традиций, которые активно развиваются сегодня. Научные школы, сложившиеся в Институте психологии РАН, уходят корнями в деятельность именно поколения неоклассиков, но в новых, снова радикально изменившихся условиях исследователи — представители разных поколений — интенсивно ведут теоретическую работу и эмпирические поиски, осуществляют профессиональную подготовку психологов, практические внедрения и т. д.

Научные школы рассматриваются науковедами как характерная особенность отечественной науки. Школы являются результатом личного общения нескольких поколений ученых, работающих в течение длительного периода времени в одном учреждении или имеющих другие институциональные основания для постоянных контактов. В рамках школы происходит передача и поддержание научных традиций не только за счет печатных текстов, но и живого опыта общения. Следует отметить, что длительная совместная работа нескольких поколений ученых отличает отечественную модель науки, например, от американской или немецкой моделей, предполагающих обязательную смену места работы ученым в процессе развития научной карьеры. Здесь не место давать сравнительный анализ эффективности указанных моделей, однако несомненно, что научные школы сыграли чрезвычайно важную роль в смягчении последствий организационно-финансового кризиса, постигшего российскую науку в 1990-е годы. Именно научная культура, сложившаяся в рамках ведущих советских научных школ, позволила формировать новые кадры, которые, хотя полностью и не устраняли, но смягчали последствия массовой внутренней и внешней миграции ученых, т. е. ухода их в другие, финансово более выгодные сферы деятельности внутри страны и отъезда за границу.

Следует также отметить, что в новых условиях перед научными школами открылись и некоторые новые возможности работы. Так, в последние годы в значительной степени сократился разрыв, отделяющий исследовательскую работу от преподавательской. В частности, на базе Института психологии РАН создан факультет психологии Государственного университета гуманитарных наук. Научные школы ИП РАН благодаря этому событию смогли более плотно участвовать в преподавательской деятельности и получать подпитку кадрами, воспитанными со студенческой скамьи.

Перед научными школами всегда, а особенно в современных условиях, стоит задача не только поддержания традиций, но и постоянного изменения своих методов работы, впитывания всего нового, что возникает в науке. В частности, в последние десятилетия в психологии произошел большой прогресс в плане развития новых, точных и часто дорогостоящих методов исследования, включая как аппаратную регистрацию (например, магнитно-резонансная или позитронно-

эмиссионная томография), так и математико-статистическую обработку данных (например, линейно-структурное моделирование или мета-анализ). Все это выдвигает требование к научным школам находиться на уровне современных методических достижений, но не просто перенимать, а ассимилировать их. В этом плане же встает задача международного сотрудничества научных школ, взаимобогащения идеями и разработками исследований.

Открывающаяся серия монографических изданий «Научные школы Института психологии РАН» направлена на то, чтобы выявить исторические линии научно-профессиональной преемственности, идейную, практическую и личностно-человеческую общность между неоклассическим и современным периодами жизнедеятельности Института психологии РАН. Все книги серии будут подготовлены по общему плану, который, однако, допускает существенные вариации, связанные со спецификой истории конкретной школы, ее разработок и методов исследования, биографии ее основателя или основателей и т. д. В книгах будут представлены обзорно-аналитические работы по научной и личностной истории школы, избранные работы основоположников, работы их учеников и коллег, а также воспоминания. Книги будут снабжены документальными материалами, создающими живое впечатление о возникновении и развитии школ.

Задуманная серия начинается с книги, посвященной одной из наиболее ярких научных школ Института психологии АН СССР (РАН) — школе психологии творчества, основанной заслуженным деятелем науки РФ, профессором Яковом Александровичем Пономаревым. На основании проведенных им и ставших впоследствии классическими экспериментов Я.А. Пономарев развил фундаментальную теорию творческого мышления. Однако значение работ Я.А. Пономарева выходит за рамки психологии творчества. Им создана фактически общепсихологическая теория, заложены основы оригинальной методологии психологии. В этом плане знаменательно, что книга, посвященная работам этого направления, открывает данную серию. Школа Я.А. Пономарева продолжает разработку его научных идей. Впрочем, лучше об этом рассказывают работы самого Якова Александровича, его учеников и коллег, включенные в книгу.

ЛИТЕРАТУРА

АНАНЬЕВ Б.Г. Человек как предмет познания. Л.: Изд-во ЛГУ, 1969.

ВЫГОТСКИЙ Л.С. Мышление и речь. М.: Лабиринт, 1999.

ЖДАН А.Н. Из истории психологии в Московском университете // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология, 1979. № 4. С. 3–13.

ЖДАН А.Н. Деятельность С. Л. Рубинштейна в Московском университете // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология, 1989. № 3. С. 3–12.

ВВОДНЫЙ РАЗДЕЛ

- ЖДАН А.Н. Преподавание психологии в Московском университете (К 80-летию психологического института и 50-летию кафедры психологии в Московском университете) // Вопросы психологии, 1993. № 4. С. 80–93.
- ИВАНОВ К.В. Как создавался образ советской науки в постсталинском обществе // Вестник Российской академии наук. 2001. Т. 71. № 2. С. 99–113.
- ЛЕОНТЬЕВ А.Н. Деятельность, сознание, личность. М.: Политическая литература, 1979.
- ЛОМОВ Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
- ПОНОМАРЕВ Я.А. Психология творчества. М.: Наука, 1976.
- ПОНОМАРЕВ Я.А. Методологическое введение в психологию. М.: Наука, 1983.
- ПОППЕР К. Избранные работы. М.: Наука, 1983.
- РУБИНШТЕЙН С.Л. Основы общей психологии. М.: Наука, 1989.